ОПТИНА ПУСТЫНЬ КАК ОЧАГ СЛАВЯНСКОЙ ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ

Доклад иеромонаха Иннокентия (Орлова)*
на Кирилло-Мефодиевских чтениях в МГУ
25 мая 1990 г.

17 ноября 1987 г. указом Совета Министров СССР монастырь Оптина Пустынь был передан Московской Патриархии. С этого времени в монастыре ведутся реставрационные работы. Оптина Пустынь для нас важна не только как памятник архитектуры, культуры и истории нашего народа, но значительно больше. Полтора века назад, в период своего расцвета, Оптина Пустынь влекла к себе богомольцев со всех концов России не красотой архитектурных ансамблей, а своей высокой духовностью. Свет Оптиной пустыни проливается в высшей степени через ее издательские труды и исключительное влияние ее старцев.

Каким образом можно было бы определить и понять — что такое старчество?

Старчество связано с *внутренним* духовным подвигом, который процветал сначала среди древних пустынников — монахов IV в., и затем перешел из Византии на Русь.

Старцем, конечно, мог быть только стяжавший своими подвигами и личным опытом Дар Духа Святого, особый дар благодатный, пророческий дар руководства своими учениками в невидимой брани на пути к общению с Богом.

Старец при глубоком смирении своим духовным взором видит душу человека. Он обладает даром прозорливости, даром рассуждения. Он исцеляет от болезней и указывает своему ученику путь жизни, открывая волю Божию. Человек, который предается старцу, связан святым послушанием на всю жизнь.

Следует отличать старчество от иерархических степеней в Церкви, административного начальства или духовничества. Духовником может быть только рукоположенный священнослужитель, старцем или старицей — только тот, кто обладает исключительным даром от Господа руководить душой тех людей, которые с полным доверием, добровольно к нему обращаются.

Забытое в течение долгого времени старчество как проявление высокой духовной жизни Церкви, «венец духовных подвигов» ее возродилось в России главным образом в Оптиной Пустыни, под влиянием старца Паисия (Величковского) и его учеников. Старец Паисий (1722—1794) родился в России, учился в Киевской Академии. Он долго искал духовного руководства на Украине, перешел во Влахию, на Афон и затем в Молдавию. Под его влиянием возродилось в православном монашестве стремление к внутреннему подвигу и непрестанной молитве. Под его руководством воспиталось мно-

* С ноября 1990 г. настоятель подворья Оптиной Пустыни в Санкт-Петербурге.

жество подвижников, которые принесли его заветы и в Россию. В Оптиной Пустыни, как в узле, соединились многочисленные нити духовного влияния этого старца. Так в этом древнем монастыре замечательно расцвела целая плеяда оптинских старцев.

Архимандрит Нямецкого монастыря преподобный Паисий Величковский известен своей многолетней переводческой деятельностью. Он разработал методику переводов древних греческих рукописей на славянский язык.

В 1787 г. старец Паисий завершил свой важнейший литературный труд — перевод с греческого языка Подвижнических слов святого Исаака Сирина. В предисловии к этому переводу старец подробно рассказывает как о внешних обстоятельствах этого дела, так и о тех трудностях, которые встретились ему при переводе, и о тех способах, которыми он преодолевал эти трудности. Так, он пишет:

«В славянском языке слова неодушевленных предметов мужеского рода на "ъ" и "ь" и женского рода на "ь" в именительном и винительном падежах единственного числа имеют одно и то же окончание, и если при них нет глагола действительного залога или других управляющих слов, то никто не может распознать, в каком падеже они поставлены. Например: добродетель — добродетель. Какое из этих двух слов стоит в именительном падеже и какое в винительном — не видно».

По-гречески, благодаря различию окончаний, этой неясности нет. Чтобы устранить эту неясность в славянском тексте, старец Паисий обозначает точкою вверху слово, стоящее в винительном падеже: добродетель — добродетель или добродетель — добродетель.

«Необходимость такого обозначения становится особенно ясной из рассмотрения некоторых фраз. "Добродетель рождает страх Божий", "Страх Божий отгоняет леность". Смысл этих фраз окажется совершенно различным смотря по тому, какое из слов является подлежащим, и какое дополнением. Если в первой фразе поставим точку над "добродетель", то получится смысл: добродетель рождается от страха Божия. Если же поставим над "страх", то получится смысл: страх Божий рождается от добродетели. То же самое получится и во второй фразе, смотря по тому, где стоит точка. Если точка стоит над словом "страх" — это значит: страх Божий отгоняется леностью, если же точка стоит над словом "леность" — это значит: леность отгоняется страхом Божиим. Приведем еще пример употребления пояснительных точек в другом роде. "Аще соблюдете заповеди Моя — послю вам Утешителя, Духа истины, Его же мир не может прияти, и Той научит вы всякой истине". В греческом языке Утешитель мужеского рода, Дух же — среднего рода. В славянском же и то и другое — мужеского рода. Точки показывают, к какому слову относится "Его же" и к какому — "Той". Без точек славянский текст был бы неясен»[1].

Далее старец пишет: «В переводе этой книги, как и во всех других моих переводах, я всегда употребляю способ перевода так называемый дословный, каким переведены с греческого языка на славянский Священное Писание и все церковные книги. Переводя таким способом, я старательно, насколько мог, соблюдал свойства обоих

языков употребляя в славянском переводе для ясности, где было необходимо, глаголы: "есмь" и "бываю", а вместо частиц местоимения: он, той, сей, и все это, употребленное на соответствующих местах, придает переводу необходимую ясность. Следует еще и то знать, что я в своих переводах слова Священного Писания привожу так, как они приводятся в греческом подлиннике, не позволяя себе изменять их и приводить так, как они приведены в Священном Писании, опасаясь дерзости самочиния, но, чтобы перевод мой был во всем точен, я их привожу так, как нахожу в греческой книге»[2].

Из приведенного рассказа старца видно, с какой осторожностью он работал над своими переводами отеческих книг. И неудивительно, что, по свидетельству людей сведущих, переводы старца Паисия имеют цену не только в религиозно-назидательном, но и в научном отношении. Переводы старца Паисия превосходят все бывшие до него переводы отеческих книг тем, что он в своей работе не ограничивается одним только списком книги на одном каком-либо языке, но старается добыть списки или печатные тексты переводимой книги на разных языках, вышедшие в разное время, и, сопоставляя их друг с другом, взаимно их проверяя, устанавливает наиболее правильное чтение, причем имеет обыкновение помещать на полях и разночтения, давая, таким образом, возможность самому читателю непосредственно убеждаться в правильности предлагаемого старцем чтения. Такого приема перевода отеческих писаний на славянский язык до старца Паисия не существовало. Бывшие раньше переводы, не всегда делаемые с греческих подлинников, а нередко с болгарских, сербских, латинских или польских переводов, отличались во многих местах темнотою смысла, что и заставило старца Паисия подойти к этому делу более тщательно и вдумчиво.

Один из исследователей рукописной школы старца Паисия — Г. Н. Попов (в книге: «Рукописи Московской Синодальной (Патриаршей) библиотеки». Вып. 2. Симоновское собрание), характеризуя переводческую работу старца Паисия и пользуясь для этого текстом исправленной старцем книги преподобного Иоанна Лествичника, говорит: «Старец переводил с печатного греческого, но у него есть и добавления сравнительно с печатным текстом, взятые, судя по заметкам на поле, от рукописной книги. Иные приписки дают повод думать, что у переводчика под руками был не один греческий или славянский список, а целый ряд различных списков. На полях "Лествицы" много пометок, свидетельствующих о большом труде, который положен на сличение славянского текста с греческими рукописями и печатным изданием... Есть примечания, поясняющие то или иное место на основании иных мест.... До Паисия (Величковского) такого критического обращения с текстом мы не замечаем ни у одного из наших писателей»[3].

В Нямце старец широко поставил дело переписки и перевода отеческих книг. Он собрал вокруг себя многочисленную группу помощников и специально подготавливал их к книжному делу. Он обучал их греческому языку и для усовершенствования посылал их в Бухарестскую академию. Одни из его помощников под его непосредственным наблюдением переводили отеческие книги, другие пе-

переписывали их. Занятия велись или по келиям, или в общем помещении, или, наконец, в покоях самого старца.

Со смертью схиархимандрита Паисия книжная традиция, так сильно развернутая им, не прекратила своего существования, напротив, вместе со старчеством в Оптиной Пустыни она получила новую жизнь.

Иеросхимонах Макарий (1788—1860), иеромонах Леонид (в схиме Лев, 1768—1841) и схиархимандрит Моисей (1782—1862) Оптинские — все трое были наставлены в духовной жизни ближайшими учениками схиархимандрита Паисия (Величковского) и все наследовали от своих старцев великую любовь к переводным трудам отца Паисия. Путем переписки этих переводов они собрали немало рукописей в Оптиной Пустыни.

Иеросхимонах Макарий (Иванов) поставил себе целью распространить учение великого старца и закрепить его в памяти последующих поколений. Для этого требовалось издать рукописи и письма Паисия (Величковского), а также напечатать новые, исправленные переводы святоотеческой литературы. Старцу Макарию удалось подобрать целый ряд усердных помощников в нелегкой издательской работе. Благословение и поддержку оказывал митрополит Московский Филарет (Дроздов, 1782—1867). Известный публицист, философ, эстетик и критик, редактор-издатель журнала «Европеец» Иван Васильевич Киреевский и его супруга Наталья Петровна проживали недалеко от Оптиной в своем имении Долбино и часто встречались с отцом Макарием. Совместно с ним они стали организаторами оптинского книгоиздательства.

Следует отметить, что, участвуя в выборе, подготовке и печатании сочинений, написанных в традициях, определявших во многом характер древнерусской книжности, И. В. Киреевский как бы формировал зримый фундамент для новой создаваемой им эстетики, условно называемой эстетикой раннего славянофильства[4].

Активно участвовали в издании журнала также профессор Московской Духовной Академии протоиерей Феодор Александрович Голубинский, который был и цензором изданий, оптинский иеромонах Климент (Зедергольм) (магистр классической филологии Московского университета), архимандрит Леонид (Кавелин) (впоследствии наместник Троице-Сергиевой лавры), иеромонах Ювеналий (Половцев) (позже был архиепископом Литовским) и другие лица.

Среди участников издательства деятельно работал молодой иеромонах Амвросий (Гренков, 1812—1891), впоследствии знаменитый старец и преемник отца Макария как по старчеству, так и по организации трудов оптинского издательства.

Оптинские старцы глубоко вникали в сокровенный смысл каждого славянского слова, прозревали духовный строй в последовательности букв славянского алфавита и даже в самом написании букв.

Так, один из последних Оптинских старцев — схиархимандрит Варсонофий (Плиханков, 1845—1913) поведал об этом своему по-

слушнику Николаю Беляеву, будущему старцу иеромонаху Никону (1888—1931):

«Постепенно нужно проходить иноческое житие. Это наука из наук. Как всякую науку необходимо проходить, изучать под руководством более или менее опытного в сей науке человека, так и здесь необходимо держаться своего старца. Но "единого достоит вопрошати", ибо может произойти духовное разделение. Всякий человек начинает учение с азбуки, заучивая постепенно букву за буквой. Вот и вы подошли к первой букве. Первая буква "а" в азбуке. По-славянски она произносится "аз". Что же это значит? "Аз" значит "я", т. е. вам теперь предстоит рассмотреть самого себя, свое собственное "я". Всмотритесь, вы и увидите в себе все пороки, страсти, которых вовсе в себе не предполагали. Вы увидите и гордость — мать всех пороков, и уныние, и леность, а там, вглядываясь внимательно, вы увидите и осуждение, гнев, и сребролюбие, и зависть, и злобу. "Неужели я злой? Вот уж не думал". А злоба есть. А там, глядишь, встанет исполин-блуд. "Все пороки, все страсти во мне есть. Господи! Какой я грешный! Нет надежды на спасение, я не могу бороться, нет сил!.. Но что же я отчаиваюсь? Христос приходил призвать не праведных, но грешных на покаяние. Господи! Немощен есмь "аз", помоги! На Тебя вся надежда, Господи! Я вижу теперь, что я сам по себе ничего не могу!" Тут вы, познав свою немощь, обращаетесь за помощью к Богу, переходите ко второй букве "буки", это древнеславянское слово, значащее "Бог", собственно, не "буки", а "Бук". Здесь вы, сознавая свою немощь, будете надеяться на Бога, жить по Божию повелению, по заповедям. Будете падать, спотыкаться, но ничего, не надо терять надежды на Бога. Упали, так не лежите, надо вставать скорее и опять в путь, и так дальше и дальше. Вы больше и больше будете смиряться, видя свою немощь. Вот это вторая буква. Затем идут буквы "веди", "глаголь", "добро". Итак, вы по мере того, как будете преуспевать в богоугодном житии, вы будете подходить к третьей букве "веди", т. е. вы постепенно начнете ведать истину. Ваш разум будет малопомалу проясняться, очищаться. А затем "глаголь", "добро", т. е. от избытка сердца начнут уста глаголить. Так вот видите, что не все сразу делается, а постепенно[5].

Все слова, т. е. их произношение, имеют глубокое значение. Почему, например, Бог называется именно словом *Бог*, а не каклибо иначе? Народ вложил все свое миросозерцание в это слово "Бог", и в слово "человек". По произношению этих слов в разных народах можно определить их нравственное и духовное состояние. "Бог" имеет отношение к слову "богатый", именно: Бог всем богат, ни в чем не имеет нужды, Бог — богатый милостью. Так и каждое слово...

Даже изображение букв имеет свой смысл. Почему святые Кирилл и Мефодий букву "А" изображают именно так? Буква "А", собственно, произносится "Аз", это значит "я", т. е. человек. А в человеке замечается две стороны: духовная и плотская; так вот, духовная сторона человека изображена тонкой линией, идущей кверху, а плотская — "толстой", идущей книзу, именно "А". Но буква "А" не так пишется, а надо еще ее перечеркнуть; это значит, что эти две стороны

всегда находятся во враждебных отношениях, и вот выходит буква "А", произносимая, собственно, "Аз"»[6].

Следует также добавить, что развитие иконописного дела в Оптиной Пустыни обязано замечательному русскому художнику-портретисту Дмитрию Михайловичу Болотову (в иночестве иеромонах Даниил, 1837—1907). Произведения Д. Болотова хранятся в музеях Санкт-Петербурга, Тулы, Твери, Ульяновска, Новосибирска.

Результатом многолетней собирательской и переводческой деятельности оптинских монахов стали широко известные печатные издания (к 1897 г. их вышло болеее ста двадцати пяти)[7].

Обращение оптинских монахов к традициям древнерусской книжности нашло поддержку у той части русской творческой интеллигенции, которая искала истоки своей национальной культуры для определения ее исторических особенностей и путей дальнейшего развития.

В Оптину Пустынь потянулись поэты, прозаики, музыканты, художники, философы, историки. Здесь бывали А. Н. Апухтин, Н. В. Гоголь, Ф. М. Достоевский, К. Н. Леонтьев, Л. Н. Муравьев, А. С. Норов, М. П. Погодин, Н. Г. Рубинштейн, Вл. С. Соловьев и его племянник, поэт С. М. Соловьев, А. К. Толстой, Л. Н. Толстой, С. П. Шевырев и многие другие[8].

Известные русские писатели приходили в монастырь как смиренные паломники. Так, иеросхимонах Оптиной Пустыни отец Евфимий (Трунов, 1810—1886) повествует, что 17, 19 и 20 июля 1850 г. приходил в монастырь пешком из города Козельска граф Алексей Константинович Толстой, известнейший поэт и личный друг императора Александра II. Когда отец игумен предлагал ему лошадей до города Козельска, он сказал, что имеет обещание ходить в монастырь пеший[9].

Большим почитателем Оптиной Пустыни и ее старцев был Николай Васильевич Гоголь. «За несколько верст, подъезжая к обители, — писал он после посещения Оптины, — уже слышишь ее благоухание: все становится приветливее, поклоны ниже и участие к человеку больше...»[10] — «Пустынь эта распространяет благочестие в народе»[11].

Как написал в своем дневнике уже упоминавшийся иеросхимонах Евфимий (Трунов), Гоголь оставил в Оптиной обители примерный образец своего благочестия. Восхищенный тем особенным чувством благоговения, с которым Гоголь отслушал вечерню, панихиду на могиле своего духовного друга монаха Порфирия (Григорова), потом всеношное бдение в соборе 2 июня 1851 г. и на следующее утро Литургию в Скиту, отец Евфимий восклицает: «Большая была бы сила для Церкви Христовой на земле в лице Николая Васильевича Гоголя, если бы не так поздно обратился он* к истинному благочестию! Какая бездна ума, таланта, энергии затрачена им была, и на что же? На осмеяние души родного русского человека! Великий дар Божий — талант писателя, но и какова же возложена на него от-

* В книге С. А. Нилуса [9]: *обратилась она* — по-видимому, опечатка.

ветственность! И как мало на земле людей таланта, постигающих, на что дарование это дано им от Бога, разумеющих истинный смысл Господней притчи о талантах!»[12] И отец Евфимий, ученик и сподвижник Оптинских старцев Льва, Макария и преподобного Амвросия, в своих записках раскрывает нам истинное призвание православного писателя: «Боже мой! до чего велико и страшно писательское призвание, тот Божественный талант, который вручается Тобою Твоему избраннику не для самоуслаждения себялюбивой человеческой гордости, не для скорогиблющей земной славы, а для славы Святейшего Имени Твоего, да святится оно в сердцах человеческих и да устрояет в них Царствие Твое — Царство любви и благодарности к Тебе, к миру духовному и внешнему, премудростию Твоею созданному, любви и благоволения к венцу создания Твоего — к человеку, которого Ты малым чем умалил еси от Ангел, венчав его и честию, и славою, и за спасение которого Ты пролиял Честнейшую Кровь Твою и на Крест вознес Пречистое Тело Твое. Ты Бог-Слово, в Троице Пресвятой славимый, не на разрушение, а на созидание дал человеку Божественное слово Твое, освятил уста его Хлебом Небесным, дающим жизнь миру, чтобы ни одно слово гнилое не изошло из уст освященных и не погубило ни одной души человеческой для блаженной вечности, ни одной словесной овцы Христовой не извело из ограды пажитей Господних. Привести и соблюсти Христу во всей полноте любви Его душу христианскую — вот единственная задача христианского писателя, вот истинное употребление доверенного ему таланта»[13].

Благотворные беседы со старцем Макарием и чтение святоотеческих творений, в особенности преподобного Исаака Сирина, помогли Гоголю выйти победителем из душевной борьбы с самим собою и с тем внутренним его врагом, который извратил Божественный талант и направил его на свои разрушительные цели.

Гоголь глубоко проникся идеей русского народа как народа Богоносца. В «Выбранных местах из переписки с друзьями» он развил и обосновал эту идею: «Есть много в коренной природе нашей, нами позабытой, близкого закону Христа, — доказательство тому уже то, что без меча пришел к нам Христос, и приготовленная земля сердец наших призывала сама собой Его слово, что есть уже начало братства Христова в самой нашей славянской природе, и побратание людей было у нас родней даже и кровного братства... что есть, наконец, у нас отвага, никому не сродная, и если предстанет нам всем какоенибудь дело, решительно невозможное ни для какого другого народа, хотя бы даже, например, сбросить с себя вдруг и разом все недостатки наши, все позорящее высокую природу человека, то с болью собственного тела, не пожалев самих себя, как в двенадцатом году, не пожалев имуществ, жгли домы свои и земные достатки, так рванется у нас все сбрасывать с себя позорящее и пятнающее нас, ни одна душа не отстанет от другой, и в такие минуты всякие ссоры, ненависти, вражды — все бывает позабыто, брат повиснет на груди у брата, и вся Россия — один человек. Вот на чем основываясь, можно

сказать, что праздник Воскресенья Христова воспразднуется прежде у нас, чем у других»[14].

Итак, Оптина Пустынь — это одна из ярких страниц жизни русского народа, частица его великой культуры. Мы не можем забыть того, чем жили многие тысячи наших предшественников.

В XIX в. свет Оптины ярко светил не только в стенах обители, носившей это имя, но и освящал очень далекие уголки земли Русской. Маленький монастырь в глухом лесу на безвестной до этого реке Жиздре явился очагом подлинной духовной жизни, привлекавшим к себе широкие народные массы и многих представителей русской интеллигенции. Определить количество человеческих душ, уходивших из Оптиной очищенными, просветленными и успокоенными, — невозможно — их было великое множество. И число это постоянно увеличивалось.

Оптина Пустынь в значительной степени формировала русскую культуру в целом и духовные ценности русского человека в частности. То, о чем говорилось и писалось Отцами первых веков христианства, вновь зазвучало и стало актуальным вначале в Оптиной, а затем и в широких слоях русского общества. Посредниками между мудростью Восточных Отцов и людьми XIX в. являются преподобный Паисий (Величковский), великие Оптинские старцы Лев, Макарий, преподобный Амвросий и их последователи и ученики. Ценность и значение Оптины заключалось в том, что в ней не только зазвучало миру высокое учение о духовной жизни человека, но и были показаны пути и возможности осуществления его в жизни.

Теория и практика духовного развития были соединены в одно целое, создана система нравственного совершенствования человека. Это было своего рода открытие для человека XIX в. Создание совершенного, целостного, гармонически развивающегося человека было новым и настолько привлекательным, что в Оптину Пустынь со всех концов потянулись все ищущие духовного совершенства. Мы верим, что по молитвам святых Оптинских старцев благодать Божия не оставит нашу возрождающуюся обитель и Оптинская лампада вновь станет православным светочем, просвещающим души светом Истины Христовой.

[1] *Протоиерей Сергий (Четвериков).* Молдавский старец Паисий (Величковский). Париж, 1976. С. 198—199.
[2] Там же. С. 199—200.
[3] Там же С. 200—201.
[4] Рукописные собрания Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина: Указатель. М., 1986. Т. 1. С. 275.
[5] Дневник иеромонаха Никона Беляева. Скит Оптиной Пустыни. 1908—1910 гг. Запись от 13 января 1908 г. Машинопись. Библиотека Оптиной Пустыни.
[6] Там же. Запись от 7 ноября 1908 г.
[7] Рукописные собрания Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина: Указатель. Т. 1. С. 275.
[8] Там же.
[9] *Нилус С.* Святыня под спудом. Сергиев Посад, 1911. С. 58—59. (Репринтное издание Свято-Троицкой Сергиевой Лавры 1991 г. со Свято-Ильинского издания 1977 г. — С. 82).

[10] *Концевич И. М.* Оптина Пустынь и ее время. Джорданвиль, 1970. С. 594.
[11] Там же. С. 593.
[12] *Нилус С.* Святыня под спудом. С. 81. (Репринт. изд. — С. 112—113).
[13] Там же. С. 156. (Репринт. изд. — С. 215).
[14] *Гоголь Н. В.* Выбранные места из переписки с друзьями. СПб., 1894. Т. 5. С. 235. Письмо XXXII.
Подготовил текст к публикации послушник Евгений Лукьянов.

К ПУБЛИКАЦИИ РАБОТЫ «ПО ТУ СТОРОНУ НИЧТО» И ОТРЫВКА ИЗ КНИГИ Л. ШЕСТОВА «НА ВЕСАХ ИОВА»

В. Л. Курабцев

Предлагаем вашему вниманию своеобразную интерпретацию одной лишь грани философского творчества замечательного представителя русского религиозного экзистенциализма Льва Исааковича Шестова (Шварцмана) (1866—1938). Сам Шестов не без основания склонен был относить себя к традиции «иудейско-христианской», или «библейской» философии связанной с именами Тертуллиана, Петра Дамиани, Мартина Лютера.

Автор попытался войти в мир идей и интуиций Льва Шестова и, говоря как бы от лица самого философа, используя некоторые характерные цитаты Шестова, передать дух и содержание его концепции.

Публикуемый отрывок из книги Льва Шестова «На весах Иова: странствования по душам» (P., YMCA—PRESS, 1975) представляет читателю главную проблему философа — проблему соотношения греческой мудрости и библейского откровения, Афин и Иерусалима, с которой у Шестова теснейшим образом связано и понимание духовности.

Книга была написана в основном во второй, религиозно-экзистенциальный период творчества философа, начавшийся примерно с 1911 г., с обращения его к вере. После долгих «странствований по душам» великих мыслителей — от Филона до Достоевского — Шестов определяется в подлинном отношении к библейской истине: она не может быть взвешена на весах разумных Афин. Для этой цели подходят лишь весы «безумных» пророков и апостолов — Иова, Исаии, ап. Павла.

Впервые книга опубликована в Париже в 1929 г.